

Функция волшебных цепочек
в «сюжете о рождении Рыцаря с лебедем»
(на материале поэмы «Элиокса»
и сказки из сборника «Долопатос»)

Ольга В. Попова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, popova.olga13w@mail.ru*

Аннотация. Рыцарь с лебедем в средневековых источниках неизменно выступает как персонаж, наделенный сакральной природой. Начальная часть «сюжета о Рыцаре с лебедем», сложившегося во французской традиции, посвящена его чудесному рождению. Предположительно сюжетный блок о рождении Рыцаря с лебедем восходит к фольклорным сюжетам о братьях, превращенных в птиц, и чудесных детях. На его фольклорный генезис указывают сказочные мотивы и структура, свойственная классической волшебной сказке. Упоминание волшебных предметов (в частности, золотых цепочек) характерно для сказочных сюжетов обоих типов, однако они выполняют разные функции: служат способом превращения детей в птиц и являются маркером чудесной природы персонажей. В статье рассмотрены литературные версии, в которых в большей степени сохранились архаические черты: старофранцузская поэма «Элиокса», дошедшая до нас в рукописях XIII в. и представляющая собой типологически наиболее ранний источник, и одна из сказочных историй сборника «Долопатос», впервые включенная в него создателем латинской версии Иоанном Альтасильванским. Трансформация фольклорных мотивов связана с изменением функций золотых цепочек, а также с появлением новых функций, которые образуют не семантические, а скорее ассоциативные связи.

Ключевые слова: средневековая литература, Рыцарь с лебедем, героический эпос, фольклор, сказка, литературная сказка

Для цитирования: Попова О.В. Функция волшебных цепочек в «сюжете о рождении Рыцаря с лебедем» (на материале поэмы «Элиокса» и сказки из сборника «Долопатос») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 3. С. 174–186. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-174-186

The function of magic chains
in the story of the Swan Knight's birth
(based on the poem *Elixoe*
and the tale from *Dolopathos*)

Olga V. Popova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, popova.olga13w@mail.ru*

Abstract. In medieval sources, the Swan Knight invariably appears as a character imbued with a sacred nature. The initial section of the “Swan Knight plot”, which developed in the French tradition, is dedicated to his miraculous birth. Presumably, the plot section about the Swan Knight's birth originates from folklore stories about brothers transformed into birds and wondrous children. Its folkloric origins are indicated by fairy tale motifs and a structure characteristic of the classical fairy tale. The mention of magical objects (in particular, gold chains) is characteristic of both types of fairy tales, but they perform different functions: they serve as a means of transforming children into birds and as a marker of the miraculous nature of the characters. This article examines literary versions that have largely preserved archaic features: the Old French poem “Elixoe”, which has come down to us in 13th-century manuscripts and represents the typologically earliest source, and one of the tales from “Dolopathos”, first included by the creator of the Latin version, Johannes de Alta Silva. The transformation of folklore motifs is associated with a change in the roles of gold chains, as well as the emergence of new functions that form associative rather than semantic links.

Keywords: Medieval literature, The Swan Knight, heroic epic, folklore, fairy tale, literary fairy tale

For citation: Popova, O.V. (2026), “The function of magic chains in the story of the Swan Knight's birth (based on the poem *Elixoe* and the tale from *Dolopathos*)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 174–186, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-174-186

Рыцарь с лебедем в средневековых источниках неизменно выступает как персонаж, наделенный сакральной природой. «Сюжет о Рыцаре с лебедем» сложился во французских землях, где этот герой считался предком Готфрида Бульонского, предводителя Первого крестового похода и правителя Иерусалима. Посвященные ему старофранцузские героические жесты, вошедшие в состав эпического цикла о Первом крестовом походе, содержат чудесные и фантастические мотивы, отражающие веру в сакральное происхождение и предназначение Рыцаря с лебедем – совершать

подвиги и деяния по воле Бога во имя божественной справедливости. На фольклорный генезис начальной части «сюжета о Рыцаре с лебедем», посвященной его рождению, указывает ее сюжетная структура, свойственная классической волшебной сказке. Во всех версиях наиболее устойчивыми сюжетными элементами являются мотивы рождения семерых близнецов с волшебными цепочками на шее и превращения шестерых из них в лебедей. Трансформация облика персонажей происходит вследствие козней свекрови, которая пытается наказать свою невестку, мать чудесных детей. Впоследствии благодаря действиям одного из близнецов, избежавшего превращения, справедливость восстанавливается и к ним возвращается человеческий облик. Однако версии сюжетного блока о рождении Рыцаря с лебедем (условно назовем его «сюжет о рождении Рыцаря с лебедем»), воплощенные в старофранцузских книжных источниках XIII в., дают лишь косвенное представление о фольклорном сюжете, к которому он предположительно восходит. В соответствии с эпической установкой, предполагающей правдивость рассказываемых событий, в героических жестах чудесные мотивы представляются не как фантастические события, а как божественные чудеса.

В статье рассматриваются литературные версии, основанные на сюжетном блоке о рождении Рыцаря с лебедем, в которых в большей степени сохранились архаические черты. В качестве основного источника мы обращаемся к старофранцузской поэме «Элиокса» (*Elioxe*), сохранившейся в рукописях XIII в. и воплотившей типологически наиболее ранний этап литературной эволюции сюжета. Поэму «Элиокса» сложно назвать в буквальном смысле героической жестой: в нее еще не включаются мотивы подвигов главного героя, появившиеся в более поздних версиях под влиянием традиции куртуазного эпоса. Трансформация сюжета в жанре литературной сказки рассматривается на примере одной из сказочных историй сборника «Долопатос, или о короле и семи мудрецах» (*Dolopathos sive de rege et septem sapientibus*), содержащейся в латинской версии Иоанна Альтасильванского (ок. 1184 г.) и старофранцузском переложении Герберта Парижского (ок. 1223 г.). Сказка из «Долопатоса», вероятно, основана на одной из эпических версий «сюжета о рождении Рыцаря с лебедем»¹. В отличие от более поздних текстов, повествующих о рождении и юности героя, в «Элиоксе» и сказке из «Долопатоса» будущий Рыцарь с лебедем – один из братьев, превращенных в лебедей, он не выполняет какую-

¹ *Huet G. Sur quelques formes de la légende du Chevalier au Cygne // Romania. Paris: Société des amis de la Romania, 1905. Vol. 34. P. 208.*

либо активную функцию. Функцией спасителя же наделяется женский персонаж (сестра братьев-лебедей). Выделив мотивы, общие для обеих рассматриваемых версий, для наглядности приведем сюжетную схему в соотнесении с функциями, которые В.Я. Пропп выделяет в сюжете волшебной сказки²:

Свекровь не любит невестку, у невестки рождаются шестеро сыновей и дочь с золотыми цепочками на шее (начальная ситуация);

Свекровь крадет детей невестки (вредительство – 8);

По приказу свекрови у братьев отнимают цепочки, и они превращаются в лебедей (вредительство – 8);

Сестра детей-лебедей отправляется в замок своего отца (начинающееся противодействие – 10);

Сестра детей-лебедей рассказывает своему отцу правду, лебедем возвращают цепочки, они принимают человеческий облик (кроме одного) (ликвидация недостачи – 19).

Как отмечает В.Я. Пропп, наиболее важной функцией является вредительство, которым, собственно, «создается движение сказки», им открывается завязка, в то время как предшествующие функции ее подготавливают³. Вредительство, совершаемое свекровью, в «сюжете о рождении Рыцаря с лебедем» происходит дважды: посредством кражи новорожденных детей (во всех версиях, кроме «Элиоксы», они подменяются щенками) и превращения их в лебедей.

«Сюжет о рождении Рыцаря с лебедем» принято возводить к фольклорному сюжету о детях-лебедях. Эта традиция восходит к первому изданию поэмы «Элиокса» в 1889 г., в предисловии к которому ее издатель А.А. Тодд отмечает, что сюжет поэмы, по всей видимости, основан на сказочном сюжете о детях, превращенных в лебедей. Г. Парис в рецензии 1890 г. также поясняет, что источником данного сюжета послужила фольклорная сказка, которую исследователь условно называет «Дети, превращенные в лебедей» или «Дети-лебеди»⁴. В то время как Г. Парис исходит из того, что

² Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. С. 21.

³ Там же. С. 31.

⁴ Paris G. La "Naissance du Chevalier au Cygne", ou les "Enfants changés en cygnes", french poem of the XIIth century, published for the first time, together with an unedited prose version, from the Mss. of the National and Arsenal libraries in Paris, with introduction, notes and vocabulary, by Henry Alfred Todd, 1889 [compte-rendu] // Romania. P.: Société des amis de la Romania, 1890. Vol. 19. No. 74. P. 314–340.

эта сказка была распространена на территории Лотарингии, Ф. Лот возводит французскую поэму к кельтскому мифологическому сюжету о детях Лира, бога моря⁵. Согласно мифу вторая жена Лира Аиофе из-за ревности превращает его сыновей и дочь от первого брака в лебедей во время их купания в озере и ставит условие, что они примут человеческий облик тогда, когда мужчина с Севера женится на женщине с Юга; благодаря дочери Лир узнает о предательстве и наказывает их мачеху.

Предположения исследователей не противоречат друг другу, поскольку наличие «сюжета о детях-лебедях» в ирландской мифологии не исключает возможности распространения близкого ему фольклорного сюжета на европейской территории. Сюжет о детях Лира и сюжеты рассматриваемых нами источников имеют много общих мотивов: это рождение детей, один из родителей которых наделен сакральной природой; козни вредителя (мачехи или свекрови), из-за которых дети превращаются в лебедей; выполнение определенного условия, после которого лебеди принимают человеческий облик. Кроме того, в мифе, на который ссылается Лот, правда становится известна благодаря женскому персонажу, дочери Лира. На связь «сюжета о рождении Рыцаря с лебедем» с мифом о детях Лира указывают также И. Больте и И. Поливка в комментариях к сказке братьев Гримм «Двенадцать лебедей». В качестве наиболее архаической версии сказочного сюжета, зафиксированного братьями Гримм, исследователи приводят историю, изложенную Иоанном Альтасильванским в латинском сборнике «Долопатос»⁶.

Таким образом, сюжет о детях Лира, как и сюжеты «Элиоксы» и сказки из «Долопатоса», принято считать родственными фольклорным сюжетам о превращении детей в птиц, впоследствии отнесенным в указателе Аарне-Томпсона к типу 451 «Сестра разыскивает своих братьев». Основное описание, приведенное в указателе, представляет собой изложение сказочного сюжета о братьях, превращенных в воронов, которых ищет их сестра и возвращает им человеческий облик, выполнив определенное условие. Для сюжетов данного типа, помимо мотива поиска сестрой своих братьев, важной является происходящая с детьми метаморфоза: в представленных в указателе версиях они превращены персонажем-

⁵ Lot F. Le "Mythe des enfants-cygnés" // Romania. P.: Société des amis de la Romania, 1892. Vol. 2. No. 81. P. 62–67.

⁶ Bolte J. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Leipzig: Dieterichsche Verlagsbuchhandlung, 1913. Bd. 1. Nr. 1–60. S. 433.

вредителем в птиц – воронов или лебедей⁷. Кроме того, в описании сюжета присутствуют мотивы кражи детей и ложного обвинения их матери, однако, в отличие от «сюжета о рождении Рыцаря с лебедем», жертвой вредителя становится сестра заколдованных братьев.

Вместе с тем еще в начале XX в. выводы первых исследователей поэмы «Элиокса» были значительно дополнены учеником Г. Париса Г. Гюэ, который предположил, что воплощенная в ней версия представляет собой контаминацию двух фольклорных сюжетов, условно обозначенных им как «Братья, превращенные в птиц» и «Две сестры, которые ревнуют к младшей» (вторая формулировка отсылает к восточной сказке, известной по сборнику «Тысяча и одна ночь»)⁸. Действительно, в версиях сказок типа 451, приведенных в указателе Аарне-Томпсона, как и в мифе о детях Лира, отсутствует мотив, крайне важный для «сюжета о рождении Рыцаря с лебедем» – появление на свет детей с золотыми цепочками на шее. Именно золотая цепочка представляется маркером сакральной природы будущего Рыцаря с лебедем, одного из братьев-лебедей, которому покровительствует Бог, поскольку его потомку, Готфриду Бульонскому, суждено свершить подвиги в Святой земле. Мотив рождения чудесных детей, наделенных волшебными свойствами и предметами (золотыми волосами, цепочкой вокруг шеи и звездой во лбу), а также мотивы кражи детей и подмены их щенками, поиска детьми их отца сближают «сюжет о рождении Рыцаря с лебедем» с сюжетами сказок, отнесенных в указателе Аарне-Томпсона к типу 707 «Три золотых сына». Более удачным является название, данное в «Сравнительном указателе сюжетов» восточнославянских сказок (СУС), – «Чудесные дети». Из описания, приведенного в указателях, следует, что в большинстве версий чрезвычайно важным для развития сюжета является рождение сестры. Именно женскому персонажу удастся спасти братьев и воссоединиться с отцом, в то время как начатые братьями поиски оказываются неудачными: вследствие козней вредителей они превращаются в птиц⁹.

Отечественные исследователи Т.В. Зуева и Т.Ю. Хэмлет, изучающие сказочный тип 707 преимущественно на примере славянских версий, но учитывая при этом и европейские источники, предлагают внести в описание данного сюжетного типа некоторые коррек-

⁷ Aarne A. The types of the folktale: A classification and bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen / transl. and enlarged by S. Thompson. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. P. 154.

⁸ Huet G. Op. cit. P. 207.

⁹ Aarne A. Op. cit. P. 243.

тировки. Т.В. Зуева в качестве основных и наиболее устойчивых мотивов выделяет мотивы рождения близнецов, излучающих небесный свет, подмены новорожденных детей животными, попыток вредителя убить детей и возрождения детей в новом облике [Зуева 2000]. Опираясь в том числе на выводы Зуевой, Т.Ю. Хэмлет выделяет отдельный подтип «Перевоплощение светоносных близнецов», в котором, согласно предположению исследовательницы, нашла отражение древнейшая версия сюжета. Предложен следующий вариант описания: «Царь (король, пан) подслушал разговор трех сестер и женился на младшей, обещавшей родить сыновей-близнецов, излучающих небесный свет. Новорожденных чудесных детей вредитель закопал (утопил), а царице подбросил детенышей животных. Царь поверил клевете и прогнал жену. С детьми стали происходить перевоплощения (в чудесные растения, животных). Всякий раз, когда вредитель стремился их уничтожить, они возрождались в новом облике, пока снова не приняли человеческий облик. Под видом сказки дети рассказали отцу свою историю и в подтверждение ее правдивости обнаружили свои светоносные признаки. Казнь вредителя» [Хэмлет 2014].

Учитывая уточненное описание, можно заметить, что многие из обозначенных мотивов присутствуют в поэме «Элиокса». Золотые цепочки на шее новорожденных детей могут считаться маркером их светоносной природы. Поскольку дети принадлежат «иному», «небесному» миру, согласно В.Я. Проппу, атрибутом этого мира почти всегда являются золотые предметы, семантически связанные с солнцем¹⁰. Дополнительным подтверждением является ассоциация чудесных близнецов с яблоками, которая в поэме «Элиокса» вводится посредством мотива вещего сна героини, содержащего предсказание о вредительстве свекрови: Элиоксе, которой суждено стать матерью детей-лебедей, снится, что на ее кровати лежит семь яблок из райского сада и свекровь отрывает у шести яблок стебли. В некоторых версиях сказки о чудесных детях маркером светоносной природы является их рождение «с яблоками в руках». Как отмечает Т.Ю. Хэмлет, подобная деталь может указывать как на ассоциативную связь с Аполлоном, так и на кельтские мифологические представления [Хэмлет 2013b, с. 70]. Нельзя исключать, что создатели старофранцузской поэмы были знакомы с этим мотивом, однако вследствие христианизации он получил иное воплощение. Превращение детей в лебедей может быть вариантом возрождения в новом облике после неудачной попытки их убийства (т. е. доказа-

¹⁰ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. С. 244.

тельством их неистребимости). На то, что превращение в лебедей в сюжетах данного типа может являться одним из возможных вариантов метаморфозы, указывает сказка, зафиксированная в фольклоре уэльских цыган, в которой дети после снятия золотых поясов принимают лебединый облик [Хэмлет 2013с, с. 194]. Наконец, как и в фольклорных сказках типа 707, в «Элиоксе» раскрытие правды происходит благодаря рассказу сестры детей-лебедей: встретившись со своим отцом, она отвечает на его вопросы.

Вместе с тем некоторые сюжетные элементы, свойственные сказочному типу 707, не включаются в повествование французской поэмы. Вместо мотива подслушивания королем разговора трех сестер присутствует мотив предсказания Элиоксой рождения чудесных детей и собственной смерти. Функцией вредителя во всех версиях «сюжета о рождении Рыцаря с лебедем» наделяется свекровь матери чудесных детей, а не ее сестры. Отсутствует мотив изгнания героини, поскольку, согласно сюжету, Элиокса умирает; впрочем, мотив наказания королевы (ее заточения в темницу) появляется в позднейших версиях «сюжета о рождении Рыцаря с лебедем», в том числе в сказке из «Долопатоса». Добавим, что в сюжет «Элиоксы» не включен присутствующий во многих сказках данного типа мотив поиска диковинок, который хоть и является одним из наиболее устойчивых мотивов, но, по мнению Т.Ю. Хэмлет, появляется вследствие влияния восточных версий сказки и в поздних вариантах может отсутствовать [Хэмлет 2013а, с. 203]. Вероятнее всего, средневековые поэты намеренно отказываются от описания фантастических событий, которые не могут быть представлены как божественные чудеса, поскольку это противоречило бы установке на правдивость повествования.

Таким образом, «сюжет о рождении Рыцаря с лебедем» восходит к двум сказочным сюжетам, по всей видимости, бытовавшим в Средние века на европейской территории, которые в указателе Аарне-Томпсона отнесены к разным типам – типу 707 «Три золотых сына» и типу 451 «Сестра разыскивает своих братьев». Оба сюжета были важны для создателей средневековых поэм. Два наиболее устойчивых и характерных для них мотива – мотив рождения чудесных детей и мотив их превращения в лебедей – в равной мере служат доказательством божественного покровительства и сакральной природы Рыцаря с лебедем, поэтому в литературных версиях воспринимаются как неразрывно связанные друг с другом. Сюжетная контаминация может объясняться и тем, что в реализации обоих мотивов важную роль играют волшебные предметы – в данном случае золотые цепочки. Во всех версиях «сюжета о рождении Рыцаря с лебедем» превращение детей происходит по вине

вредителя после лишения их волшебных цепочек. Представляется, что происходящая подобный способом метаморфоза для сказочных сюжетов, относящихся к типу 451, не характерна, поскольку превращение происходит как правило при надевании волшебного предмета. Однако, как было отмечено выше, в сюжетах типа 707 превращение близнецов может происходить в том числе при снятии волшебного предмета, и в этом случае метаморфоза спасает их от гибели.

В поэме «Элиокса» роль метаморфозы, происходящей с чудесными детьми после лишения их золотых цепочек, также является охранительной: благодаря превращению в лебедей им удастся скрыться от персонажа-вредителя и вернуться к замку своего отца. Функцию волшебных предметов в поэме можно описать следующим образом: семеро детей, родившиеся по воле Бога, носят на шее золотые цепочки как атрибут их сакрального происхождения; свекровь их матери, считая рождение семерых близнецов доказательством неверности женщины мужу и не воспринимая цепочки как божественный дар, приказывает отнять их; после лишения цепочек Природа превращает их в лебедей, а Бог защищает от гибели. Таким образом, косвенно реализуется характерный для типа 707 мотив неистребимости, получая литературное воплощение. Поскольку метаморфоза приобретает характер божественного чуда, мотив колдовства вредителя, свойственный сказкам типа 451, в сюжет не включается. Однако, несмотря на христианский контекст поэмы, в «Элиоксе» отразились следы более древних суеверий, связанных с рождением близнецов. Как отмечает Е.М. Мелетинский, на ранних стадиях развития института семьи при рождении нескольких детей одновременно практиковалось убийство близнецов; в то же время существовало представление о связи подобных «необычных» детей с богами, о вмешательстве бога в их рождение¹¹. В поэме козни Матросилии, свекрови Элиоксы, объясняются ее заблуждением в отношении честности невестки и стремлением защитить своего сына-короля от позора.

В отличие от создателей эпической поэмы «Элиокса», Иоанн Альтасильванский, включивший рассказ о детях-лебедях в латинскую версию обрамленной повести «Долопатос», и Герберт Парижский, переложивший ее на старофранцузский язык, не стремились доказать, что чудесным детям постоянно сопутствует божественное покровительство. В то время как создатели героических жест преподносят этот сюжет как правдивую историю о том,

¹¹ Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М.; СПб.: Академия исследований культуры: Традиция, 2005. С. 143.

какие чудеса могут происходить по воле Бога, Иоанн и Герберт возвращают ему сказочные черты и придают характер вымысла. Помимо функции золотых цепочек как атрибута сакрального происхождения, закреплённой эпической традицией, в сказке из «Долопатоса» появляются ещё две: условно назовем их ритуальная и опознавательная.

Ритуальная функция проявляется в том, что сакральной природой наделяются не только чудесные дети, но и их мать, которую знатный сеньор встречает во время охоты в лесу у источника. Данный мотив, характерный для куртуазной традиции¹², мог быть заимствован из версии, воплощённой в «Элиоксе», поскольку во французской поэме героиня также имеет черты феи. Однако в тексте «Элиоксы» феей она не названа, в то время как в сказке из «Долопатоса» на принадлежность девы к «иному» миру указывает обозначение “*nimpha*” в латинской версии и “*fée*” во французской. Атрибутом героини является золотая цепочка, точно такая же, какими впоследствии будут обладать ее дети. Однако в данном контексте волшебный предмет не способствует ее превращению в лебедя, а имеет иную, ритуальную семантику: в цепочке заключена ее волшебная сила. Во время купания феи в источнике цепочка лежит на берегу, а после того, как знатный сеньор поднимает ее, она соглашается стать его женой. Данный эпизод позволяет сопоставить сказку из «Долопатоса» с другими средневековыми памятниками, однако похожей семантикой, как правило, обладает не цепочка, а одежды купающейся девы: так происходит, к примеру, в старофранцузских лэ и древнеисландской «Песни о Вёлунде». Исследователи традиционно придерживаются мнения, что образы водной феи и валькирий, снимающих лебединые одежды, родственны и имеют кельтское происхождение¹³.

С мотивом купания девы, во время которого она снимает волшебную цепочку и оставляет ее на берегу, в сказке из «Долопатоса» ассоциативно связан мотив превращения детей в лебедей, который, с отличием от эпических версий, реализован иным образом. В литературной сказке братья по своей воле (вероятно, неоднократно) снимают цепочки и превращаются в лебедей, купаясь в озере, а их сестра в это время играет с цепочками на берегу; по приказу вредителя слуга забирает у нее волшебные предметы, лишая братьев возможности принять человеческий облик. Как и в «Элиоксе»,

¹² Thiébaux M. The stag of love: The chase in Medieval literature. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1974. P. 106.

¹³ Sturm S. The “Lay of Guingamor”: A study. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1968. P. 13.

свекровь виновна в лишении детей цепочек, однако в метаморфозе, происходящей с персонажами, непосредственного участия не принимает. В литературной сказке цепочки становятся атрибутом не божественной природы детей, а их способности к оборотничеству. Сестра детей-лебедей также обладает волшебной цепочкой, однако ее не снимает.

С цепочкой сестры чудесных близнецов в сказке из «Долопатоса» связана уже другая функция – опознавательная. Увидев волшебный предмет, знатный сеньор, ее отец, вспоминает, что точно таким же атрибутом обладала его жена до замужества, и заставляет свою мать, наделенную функцией вредителя, рассказать правду. Данный мотив, вероятно, имеет фольклорное происхождение: так, он присутствует в сказке «Двенадцать воронов», изданной братьями Гримм и отнесенной в указателях к типу 451 «Сестра разыскивает своих братьев», в которой братья-вороны узнают кольцо их сестры и воссоединяются с ней. В связи с опознавательной функцией предмета в сказке из «Долопатоса» исследователи обращают внимание на нарушение логики: детей с золотыми цепочками на шее ранее видел и их отец, который однажды встретил их в лесу, и их мать, томящаяся в темнице, с которой время от времени встречается ее дочь, однако ни в одном из этих эпизодов мотив узнавания не реализован¹⁴. Цепочка наделяется опознавательной функцией исключительно тогда, когда, согласно сюжету, должна быть восстановлена справедливость. По всей видимости, присутствие в литературных версиях «избыточных» мотивов, когда волшебные предметы не наделяются традиционными для фольклора функциями, может быть объяснено литературным характером книжного текста.

Таким образом, в литературных источниках фольклорные мотивы могут сочетаться друг с другом неожиданным и порой парадоксальным образом. Волшебные предметы наделяются разными функциями, образующими не семантические, а скорее ассоциативные связи. Чудесные цепочки, являющиеся атрибутом сакральной природы персонажей, становятся некой смысловой нитью, благодаря которой все мотивы «сюжета о рождении Рыцаря с лебедем» оказываются связаны друг с другом и, как следствие, претерпевают трансформацию в литературной традиции. В ходе дальнейшего развития сюжета волшебные цепочки детей-лебедей ассоциируются с цепочкой, при помощи которой лебедь везет ладью главного героя, а лебедь, в свою очередь, на ассоциативном уровне связывает сюжет о рождении героя с сюжетом о его дальнейших подвигах и приключениях.

¹⁴ *Lecouteux C. Melusine et le Chevalier au Cygne. P.: Imago, 1982. P. 112.*

Литература

- Зуева 2000 – Зуева Т.В. Древнеславянская версия сказки «Чудесные дети»: «Перевоплощение светоносных близнецов» // Русская речь. 2000. № 2. С. 97–105.
- Хэмлет 2013а – Хэмлет Т.Ю. Описание сказочного сюжета 707 *Чудесные дети* в международных, национальных и региональных указателях сказочных сюжетов: сравнительный анализ Ч. 1 // Научный диалог. 2013. № 5 (17): Филология. С. 198–219.
- Хэмлет 2013б – Хэмлет Т.Ю. Описание сказочного сюжета 707 *Чудесные дети* в международных, национальных и региональных указателях сказочных сюжетов: сравнительный анализ. Ч. 2 // Научный диалог. 2013. № 10 (22): Филология. С. 61–75.
- Хэмлет 2013с – Хэмлет Т.Ю. Формула небесной светоносной красоты детей сказочного сюжета 707 *Чудесные дети* как наиболее устойчивый, типичный элемент поэтики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 193–196.
- Хэмлет 2014 – Хэмлет Т.Ю. Описание сказочного сюжета 707 *Чудесные дети* в международных, национальных и региональных указателях сказочных сюжетов: сравнительный анализ. Ч. 3 // Научный диалог. 2014. № 4 (28): Филология. С. 100–114.

References

- Khemlet, T.Yu. (2013), "Description of the fairy tale plot 707 *Wonderful children* in international, national and regional catalogues of tale plots: comparative analysis Part 1", *Russia and World: Scientific Dialogue*, vol. 17, no. 5, pp. 198–219.
- Khemlet, T.Yu. (2013), "Description of the fairy tale plot 707 *Wonderful children* in international, national and regional catalogues of tale plots: comparative analysis. Part 2", *Russia and World: Scientific Dialogue*, vol. 22, no. 10, pp. 61–75.
- Khemlet, T.Yu. (2013), "Heavenly lightful beauty formula of children from fabulous plot 707 *Wonderful children* as the most stable, typical element of poetics", *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 10, no. 28, pp. 193–196.
- Khemlet, T.Yu. (2014), "Description of the fairy tale plot 707 *Wonderful children* in international, national and regional catalogues of tale plots: comparative analysis. Part 3", *Russia and World: Scientific Dialogue*, vol. 28, no. 4, pp. 100–114.
- Zuyeva, T.V. (2000), "The Old Slavic version of the fairy tale 'The Wonderful Children'. 'The Reincarnation of the Light-Bearing Twins' ", *Russkaya rech'*, no. 2, pp. 97–105.

Информация об авторе

Ольга В. Попова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; popova.olga13w@mail.ru

Information about the author

Olga V. Popova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; popova.olga13w@mail.ru